

К.Т. Тихий

Проблемы формирования позитивного образа СССР в США в первой половине 1920-х гг.

The problems of forming of the USSR positive image by the USA in the first part of the 1920 years

Представленная работа посвящена проблемам формирования в 20-е гг. XX в. в сознании американского общества образа СССР и его роли в качестве одного из факторов последующего признания страны Соединёнными Штатами. Автор обращает внимание на недооценку советским руководством степени влияния американского общественного мнения на правительственные круги США в принятии соответствующего решения.

Ключевые слова: *дипломатия, советско-американские отношения в 1920-е гг., общественное мнение, образ СССР в США*

The submitted work is devoted to problems of formation in 20th of the XX century in consciousness of the American society of the USSR positive image and its role as one of the factors of the subsequent recognition of the state by the United States. The author pays attention to underestimation by the Soviet management of a degree of influence of the American public opinion on the governmental circles of the USA in acceptance of the corresponding decision

Key words: *diplomacy, Soviet-American relationships in 1920-th, public opinion, USSR image in USA*

Американское общественное мнение в различные периоды существования США играло значительную роль при выработке политики правительства в отношении СССР. Период 20-х гг. примечателен не только тем, что в нем закладывались основы американской политики в русском вопросе. В это время у американской общественности складывался общий имидж Советского государства, формировались устойчивые стереотипы восприятия политики советского правительства. Многие из них в неизменном виде кочевали из года в год, вплоть до установления дипломатических отношений между странами в 1933 г. Некоторые пережили многие десятилетия и сохранились даже в постсоветский период. В настоящей статье рассматриваются малоизвестные вопросы, связанные с отношением советской дипломатической службы к проблеме формирования позитивного образа Советского государства в американском общественном мнении.

Бурные события, изменившие облик России в 1917 г., оказали значительное воздействие на весь мир, в том числе и на Соединённые Штаты. Реакция общественности США на Февральскую революцию в России была отмечена широкими колебаниями настроений. События марта

1917 г. в России в США воспринимались как триумф демократии. Большинство американцев считало, что Россия, сбросив ярмо царской тирании, будет еще упорнее бороться против Германии на стороне союзников. Неудивительно, что когда в марте 1918 г. Советское правительство подписало сепаратный мир с Германией, американцы посчитали себя преданными. Большевики уже выступали как германские агенты, как угроза цивилизации в целом и американской демократии в частности. Поэтому неслучайно, что в 1918 г. в Соединенных Штатах существовало мощное общественное давление в пользу вооруженной интервенции в Россию [7, с. 111].

Осознание материального благополучия "эры процветания" 20-х гг. очень глубоко проникло в американскую жизнь и оказало воздействие на восприятие Советского Союза. Мнение абсолютного большинства американцев – от президента до рабочего – представляло собой смесь предвзятости, стереотипов, правды и полуправды, которые формировались в бурные годы революции, и существовали с удивительной живучестью. Их не могли серьезно поколебать противоречивые, даже драматические события в Советском Союзе. Скорее, новые факты были приспособлены к старым категориям.

Вплоть до американского признания в 1933 г. большинство американских государственных и общественных деятелей превозносили США и подвергали нападкам советскую систему. Президент Национальной ассоциации производителей Г. Форд, известный поборник новой эры инноваций и процветания, заявил в 1922 г.: "Мы являемся страной невообразимых возможностей, каких не смогли сотворить ни одна христианская цивилизация, ни один гений демократических институтов" [7, с. 133]. Гордость за свою экономику стала синонимом патриотизма, а на Соединенные Штаты стали часто ссылаться как на образец цивилизации. Ценности американского культа были, естественно, материального характера, но с сильным мессианским подтекстом. Большевицкая Россия воспринималась как антитеза цивилизации. Сенатор Г. Майерс из Монтаны в речи в сенате 28 апреля 1920 г. в целом так отразил взгляды своих сограждан: "Они (большевики – Авт.) полностью разрушили институты брака, родного дома, домашнего очага, семьи – краеугольных камней цивилизации, всего общества. Трудно сознавать, что существуют подобные вещи и терпят цивилизованным миром" [8, р. 6208]. Большинство американцев не хотело иметь дел с правительством Советов, но при этом многие продолжали верить, что русский народ избавится от своих большевицких правителей.

Начиная с 1918 г. американская печать изображала русскую революцию как акт "дикой, необузданной толпы", подстрекаемой "разбойниками, преступниками". Советская экономика характеризовалась как "немогущая", а русский народ якобы только и ожидал войны, "чтобы восстать против своих московских властителей" [3, с. 18]. Информационная блокада американской прессы Советского Союза имела вполне конкретную цель: создать в американском обществе такой имидж советской системы, который исключал бы массовое движение в пользу дипломатического признания Советского правительства. И большинство изданий, поощряемые правительством США, успешно справлялись с этой задачей на протяжении 20-х гг.

С этой целью еще осенью 1917 г. в России был открыт филиал американского телеграфного агентства – Комитет общественной информации. Его деятельность в годы гражданской войны и интервенции нередко носила антисоветский характер. Тогда же возникает идея создать по линии НКВД собственное агентство – Российское информационное бюро. Во главе его предполагался известный американский публицист,

не скрывавший своих симпатий к Советской России, А.Р.Вильямс. В настоящее время факт создания и деятельности в США подобного Бюро официально не установлен [2, с. 19]. Впрочем, в январе 1919 г. в США начинает свою работу неофициальное представительство НКВД РСФСР во главе с Л.К. Мартенсом. На тот момент он не был даже советским гражданином. С самого начала сотрудники миссии пытались сломить сложившуюся негативную тенденцию в американском общественном мнении. Но планомерная деятельность в этом направлении только начиналась, и велась она на первых порах без особых успехов.

Некоторые возможности организовать такую работу по ознакомлению американской общественности с событиями в России у НКВД РСФСР появились уже весной 1919 г. В частности, секретарь Международной Ассоциации молодых христиан Л.Ф. Пеннингрот обратился в НКВД с просьбой помочь ему собрать фактический материал с достаточным количеством фотографий, чтобы в ближайшем времени издать в США книгу под названием "Что происходит в Советской России, март 1919 г.". Учитывая авторитет этой организации в США, Л.Пеннингрот не без оснований считал, что "книга будет иметь большое влияние на общественное мнение и способствовать убеждению, что отказывать России в содействии и помощи – преступно..." [2, с. 80]. К сожалению, у советских дипломатов был иной подход в оценке деятельности Ассоциации в России. Просветительской и благотворительной работы этой организации для советского руководства было недостаточно. Поэтому заместитель наркома по иностранным делам Л.М.Карахан твердо заявил, что пока не будет снята блокада союзников (в т.ч. США) и не восстановятся нормальные отношения между двумя странами, намерения Л.Пеннингрота не будут иметь "практических последствий" [2, с. 92].

Весной 1919 г. отношение советских властей к журналистам из-за рубежа стало крайне негативным из-за откровенно предвзятых анти-советских публикаций в зарубежной прессе при освещении событий в России. И. Дон-Левин и корреспондент "Юнайтед пресс" Тейлор были, пожалуй, последними американскими корреспондентами, которые выехали из России в 1919 г. В мае 1919 г. член коллегии НКВД М.Литвинов настойчиво просил Л.К. Мартенса уяснить, что "пребывание в России сотрудников буржуазных и правосоциалистических газет мы считаем нежелательным" [2, с. 101].

С начала 1920 г. тон американской прессы в отношении событий в Советской России несколько смягчился. В газетах стали реже появляться нападки на большевиков, меньше стало откровенно лживых публикаций. Зато больше стало "сносных" сообщений об условиях жизни в Советской России, о состоянии ее промышленности, ее внутренней и внешней политике [2, с. 129]. Вероятно, это было связано с уменьшением вмешательства сотрудников миссии Мартенса в организационные проблемы коммунистического движения в США. Об этом косвенно, но красноречиво свидетельствует письмо НКВД Л.К. Мартенсу в январе 1920 г. В нем четко определены его задачи, которые были связаны с борьбой против интервенции, коммерческими задачами советской стороны, но "никоим образом не для пропагандистских целей, не для выполнения задач, относящихся к области коммунистической партии и Третьего Интернационала" [2, с. 125].

Но лишь с осени 1920 г. в представительстве НКВД РСФСР в США стали сознавать необходимость быстрого и адекватного реагирования на антисоветские демарши в США. Это проявилось во время советско-канадских торгово-кредитных переговоров, в которые активно вмешивались американские деловые и правительственные круги. Дело дошло до того, что канадский департамент труда выпустил в громадном коли-

честве памфлет, направленный против советской стороны. Его автор воспользовался расследованием американского сената, его обвинениями в ведении миссией Л.К. Мартенса коммунистической пропаганды в США и даже организации стачек в Канаде. Для того чтобы сбить атаки американской и канадской прессы, миссия Мартенса была вынуждена увеличить тираж информационного журнала "Совет Рапша" до 25 тыс. экземпляров в неделю [2, с. 162-163]. Но подобные контрпропагандистские акции были единичными, поскольку Бюро было резко ограничено в средствах.

Вследствие своей неопытности молодая советская дипломатия иногда допускала просчеты, которые не только имели политические последствия, но и оказывали соответствующее воздействие на настроения американской публики. Так, например, советское руководство ошиблось в прогнозах относительно будущей политики США в "русском вопросе" в связи с приходом к власти республиканского кабинета в 1921 г. Предполагалось, что советское правительство при президенте У. Гардинге вступит если не в дипломатические, то в торговые переговоры. Свою роль в таком выводе сыграли недостаточное знание внутривосточной ситуации в США, неполнота и односторонность информации. Слишком много внимания уделялось и заверениям отдельных американцев, лично заинтересованных в возобновлении сношений между странами (АВП РФ. Ф.129 (Референтура по США, 1921-1933). Оп.5. П.4. Д.7. л.66)

Под влиянием этих факторов в 20-х числах марта 1921 г. ВЦИК РСФСР обратился к Президенту и Конгрессу с предложением допустить в США делегацию для ведения переговоров по торговле. Ответ был необычайно быстрым. 25 марта 1921 г. американский консул в Ревеле передал заместителю наркома по иностранным делам М.М. Литвинову отказ госсекретаря Ч. Хьюза на том основании, что американское правительство считает существующие в России условия неподходящими для торговых сношений. Быстрота ответа свидетельствовала о том, что он был заготовлен давно, еще до смены администрации демократов правительством Гардинга. Из чего следовало, что политика республиканцев в "русском вопросе" автоматически продолжала политику президента В. Вильсона. С той разницей, что Вильсон в качестве мотива выдвигал тезис, что советское правительство не основано на демократическом представительстве, а Хьюз сослался на экономические доводы. Советским дипломатам тогда пришлось констатировать: "...Америка занимается нами гораздо интенсивнее и детальнее, чем мы ею" (АВП РФ. Ф.129 (Референтура по США, 1921-1933). Оп.5. П.4. Д.7. Л.67)

Действительно, из протоколов Комитета по иностранным делам палаты представителей (с 27 января по 1 марта 1921 г. было 10 заседаний по русскому вопросу) видно, что ни одно более или менее значимое явление политической, экономической и духовной жизни Советской России не проходило незамеченным или неучтенным теми, кому следовало. Систематически переводилась советская пресса, была организована сеть информаторов. Другое дело, что добыванием и систематизацией сведений о России занимались русские и американские противники Советов. Но эта предрасположенность к определенным выводам должным образом учитывалась американскими политиками. Советские дипломаты были вынуждены признать, что "те или иные шаги, предпринимаемые американским правительством по отношению к России, не могут быть объяснены недостаточной осведомленностью" (АВП РФ. Ф.129 (Референтура по США, 1921-1933). Оп.5. П.4. Д.7. Л.67).

В то же время, своей информированностью пока не могла похвастать советская сторона. Так, в 1922 г. в письме к В.И. Ленину вдова известного американского журналиста Джона Рида Луиза Брайант со-

общала, что, "судя по телеграфным интервью, советские работники не совсем хорошо разбираются в том, кто их настоящие друзья и враги здесь (в США. – Авт.). Например, т. Чичерин назвал американского министра иностранных дел Юза (Хьюза) "человеком благородного ума за его роль на конференции по разоружению. Юз фактически был в кабинете единственным противником участия Америки в Генуэзской конференции, и ему удалось, в конце концов, склонить весь кабинет на свою сторону... Юз религиозен, упрям и не идет на уступки" (АВП РФ. Ф.129. Оп.6. П.6. Д.1. Л.22). В этом же письме Брайант высказалась и в отношении будущего президента США Г. Гувера: "Он честолюбив и знает, что для американского политика борьба против оказания помощи России в настоящий момент равносильна политической гибели... Я не верю, чтобы Гувер посмел занять открыто враждебную позицию по отношению к России, но ему доверять не приходится" (АВП РФ. Ф. 129. Оп. 6. П. 6. Д. 1. Л. 23).

Примечательно, что эта характеристика Гувера по каким-то причинам не убила наркома по иностранным делам Г. Чичерина. Это видно из записи его беседы с бывшим американским посланником в Копенгагене Гапгудом, состоявшейся в мае 1923 г. На встрече с ним Г. Чичерин указал на ряд противоречивых сведений о Гувере: "Одни считают его благоприятно расположенным к нам. Например, виденные мною в Берлине представители американского пацифистского общества, лично говорившие с Гувером, удостоверяют, что он выражается очень благоприятно по вопросу о соглашении с нами, другие наоборот считают его чуть ли не нашим главным врагом" (АВП РФ. Ф.08. Оп.6. П.6. Д.27. Л.7). Гапгуд, лично хорошо знавший В. Вильсона, У. Гардинга, Ч. Хьюза, Г. Гувера, пояснил, что в действительности, "Гувер сильнейшим образом ненавидит всякий даже маленький намек на социализм не только в России, но где бы то ни было" (АВП РФ. Ф. 08. Оп. 6. П. 6. Д. 27. Л. 7).

Противоречивость сведений, вероятно, могла быть связана и с иной проблемой субъективного характера. Гувер мог затаить обиду на советские власти, которые без особого пиетета отнеслись к работе Американской администрации помощи (АРА) в России. Работу АРА при всей ее важности в ликвидации последствий голода в Поволжье никак не назовешь филантропией. За американскую продовольственную помощь советское правительство расплачивалось золотом. Этот эпизод был затронут в беседе американского юриста Л.Д. Розенберга с советским полпредом во Франции Х.Г. Раковским. Розенберг заметил, что в Америке нашло бы большой отклик, если бы по случаю 5-летия подписания Рижского договора о деятельности Американской администрации помощи в Советской России "какой-нибудь из советских университетов дал бы какой-нибудь почетный титул Г. Гуверу". Тем самым был бы оценен его вклад как главы АРА в ликвидации последствий голода в Поволжье в 1921 г. Можно было также, продолжал Л.Д. Розенберг, назвать в России некоторые "заметные улицы" в честь АРА [2, с. 504]. Заметим, что такое предложение не было чем-то исключительным. Известно, что в послевоенной Германии в нескольких городах спасенные от голодной смерти немцы выступили с инициативой переименования улиц в честь Гувера. Впрочем, в 1926 г. такое предложение американца едва ли нашло бы отклик у советской стороны.

Информация и рекомендации друзей Советского Союза касались не только высокопоставленных американских руководителей, но и отдельных представителей деловых кругов Соединенных Штатов, членов различных общественных организаций и т.д. Хорошо известен сюжет, связанный с переговорами по предоставлению американскому гражданину Б. Вандерлипу концессий в Советской России. Они продолжались

с осени 1920 г. по апрель 1922 г. Уже в их начальной стадии высказывались сомнения в деловой состоятельности Вандерлипа. Эта информация была подтверждена М.М. Литвиновым в специальном бюллетене для советских полпредов за границей в июне 1921 г. "Выясняется, – писал М. Литвинов, – что сам Вандерлип, а, вероятно, и стоящий за ним синдикат, капиталами не обладает и что концессия была взята Вандерлипом, главным образом, с целью грюндерства и продажи ее для получения соответствующего куртажа" [2, с. 182].

Еще позже, 27 февраля 1922 г., Л. Брайант в письме, переданном через А. Хаммера В.И. Ленину, вновь предупреждала, что Вандерлип не имеет тесных связей со "Стандарт Ойл", а рассчитывает на комиссионные, что он "лгун", склонен "блефовать" и "весьма слабо связан с капиталом" (АВП РФ. Ф.08. Оп.6. П.6. Д.27. Л. 24). Тем не менее, переговоры продолжались, а концессионный договор не был подписан и в последний срок – до 1 января 1923 г. [1, с. 676-681]. При всей политической важности такого договора для советского правительства, для последнего были очевидны издержки деловой репутации, поскольку в США бизнесмены имели адекватное представление о Вандерлипе и его синдикате.

Помимо недостаточной информированности, значительное воздействие на деятельность неофициального советского дипломатического представительства оказывали безответственные заявления и действия лиц из других наркоматов и ведомств, находившихся на территории США. Согласно правилам делопроизводства, все отношения работников советского представительства с прессой должны осуществляться исключительно секретарем Бюро или с соответствующей санкции дипломатического отдела Бюро. Это правило неукоснительно соблюдалось в первые годы пребывания миссии Мартенса в Соединенных Штатах. Но ему редко следовали различные ведомственные комиссии, занимавшиеся торгово-экономическими вопросами. Еще в марте 1918 г. комиссар Главного управления по заграничному снабжению (Главзагран) послал докладную записку в ВСНХ РСФСР и НКВД РСФСР. Анализируя ситуацию, он отмечал: "К великому нашему сожалению, приходится констатировать, что по поводу организации и посылки комиссий происходит невероятный сумбур и целая вакханалия. Целые группы проходимцев стараются втесаться в эти комиссии с целью нажать капиталец в процессе работы комиссии за границей" [2, с. 14].

С началом осуществления новой экономической политики в Советской России резко увеличилось число торгово-экономических организаций, получивших право вести самостоятельную внешнеэкономическую деятельность за рубежом. В письме в коллегию НКВД от 19 марта 1922 г. управляющий канцелярией Бюро Г. Вайнштейн обращал внимание руководства на то, что вместо одного представительства РСФСР (имеется в виду миссия К.Л. Мартенса), с начала 1921 г. в Соединенных Штатах обосновался целый ряд "представительств", – как от отдельных наркоматов, так и от других российских учреждений. Например, представительство ВСНХ, сосредоточенное в руках А.Л. Геллера (одно время он заведовал торговым отделом миссии Мартенса), представительства от Наркомздрава (Михайловский) и Красного Креста (Д.Е. Дубровский). Свой офис имела фирма "Продактс Иксчейндж Корпорейшн", выполнявшая отдельные поручения наркома внешней торговли Л.Б. Красина. Существовало даже представительство Карельской Коммуны.

"Все эти представительства, – писал Г.И. Вайнштейн, – действуют вразброс, без единого руководства, без нужной информации и инструкций из центра, без часто малейшего представления о действительных нуждах и интересах России. Но это еще полбеды. Гораздо хуже то, что эта разнокалиберная и весьма пестрая по своим взглядам и способно-

стям группа людей своими разговорами, выступлениями в печати, интервью, перепиской с различными американскими учреждениями и пр. так или иначе, создает фикцию, если и не официального, то все же представительства РСФСР... НКИД может сколько угодно в своей переписке с другими наркоматами утверждать, что все эти представительства, созданные без согласия его, не являются настоящими представительствами, все же ответственность за действиями "представителей", во мнении американцев, по крайней мере, падает на РСФСР" (АВП РФ. Ф.08 (секретариат Л.М. Карахана). Оп.5. П.3. Д.24.Л.5-6).

Дипломаты были серьезно озабочены несанкционированными действиями и заявлениями отдельных представителей и даже частных лиц. Так, например, некая гражданка Самородина, утверждавшая, что она находится в переписке с Чичериным, сделала предложение сенатору Ледду посетить Советский Союз. Разгневанный Литвинов писал главе миссии Б.Е. Сквирскому: "Если она друг, то передайте ей, пожалуйста, мое категорическое предложение не выступать больше в чем бы то ни было от имени Советского правительства, ее на это не уполномочившего, а тем более не делать от его имени никаких предложений. Если же она это сделала со злым умыслом, то ошельмуйте ее в печати" (АВП РФ. Ф.08. Оп.6. П.6. Д.26. Л.2). Позже выяснилось, что Чичерин не знал Самородину, или, по крайней мере, не помнил ее, и в переписке с ней никогда не состоял (АВП РФ. Ф.08. Оп.6. П.6. Д.26. Л.12-13).

Несмотря на обращения НКИД в соответствующие наркоматы и ведомства, ситуация в этой области не менялась на протяжении 20-х гг. В письме в коллегию НКИД в сентябре 1929 г. дипломатический агент НКИД СССР в США Б.Е. Сквирский жаловался, что многие важные комиссии из Советского Союза работали в Нью-Йорке без его участия. "Я считаю своей обязанностью стоять поближе ко всем советским делам в Соединенных Штатах, независимо от того, упоминают ли о существовании представителя НКИД в Соединенных Штатах другие комиссариаты и учреждения или нет" (АВП РФ. Ф.05 (секретариат М.М. Литвинова). Оп.9. П.50. Д.95. Л.166). Отсутствие координации между наркоматами и ведомствами приводило к серьезным промахам, как это было, например, в деятельности представительства Госбанка или при заключении сделок концессионного характера. Вместо того чтобы наладить взаимодействие различных структур, московское руководство ограничивалось преимущественно кадровыми перемещениями, что также наносило ущерб делу. По этому поводу Б.Е. Сквирский писал: "Лучше дать соответствующему работнику возможность чаще посещать Союз для более согласованной работы, чем менять их каждые полтора-два года" (АВП РФ. Ф.05 (секретариат М.М. Литвинова). Оп.9. П.50. Д.95. Л.167). Сам Сквирский не был в Советском Союзе с 1926 по 1929 г., хотя, несомненно, этого требовали интересы работы. Кроме того, деятельность Б.Е. Сквирского, особенно в общении с американской прессой, была ограничена инструкциями руководства НКИД. Даже имея в своем распоряжении ноты иностранных государств в адрес Советского правительства, он не имел права их зачитывать на пресс-конференциях, хотя они уже были опубликованы в газетах. Складывалось впечатление, что в то время как нарком и другие члены коллегии НКИД могли говорить свободно, неофициальный представитель НКИД в США не смел открывать рта [2, с. 537].

В таких условиях, несомненно, было трудно наладить работу по формированию американской общественности о советской внутренней и внешней политике. Но самая большая сложность заключалась в том, что в начале 20-х гг. высшее советское руководство не сознавало всей важности ведения основательных пропагандистских кампаний. Так, напри-

мер, в письме И.В. Сталину от 9 августа 1922 г. Чичерин писал: "Вы не можете представить себе, насколько широко и глубоко кампания по делу эсеров захватила общественное мнение всех стран. Эта кампания велась так энергично, интенсивно и всеобъемлюще, что широкие массы общественного мнения повсюду сильнейшим образом по этому поводу волнуется. Если мы хотим идти наперекор массовому общественному мнению, надо это хорошенько подготовить настоящей широкой контркампанией, а не теми ничтожными каплями, которые получались с нашей стороны. Вы также не можете себе представить, какие широкие возможности развития и создания связей и форм выступлений у нас имеются, если как следует за это приняться, а не прятаться подобно улиткам в раковине. Нужны не только телеграммы и не только толстые брошюры, нужно ведение широких печатных кампаний, для которых представляется полная возможность, если отказаться от самоизоляции... Нельзя уставать повторять, что главное препятствие для вербовки коммунистических новых членов – всеобщее убеждение, что якобы коммунизм порождает голод и был причиной нашей разрухи. Абсолютно необходимо посвятить максимальное внимание постановке кампаний широкого осведомления общественного мнения всех стран по основным вопросам нашего строя. Сколько говорят и пишут повсеместно о нашей цензуре, полиции, тюрьмах и т.д., что мы не можем продолжать оставаться пассивными в деле выяснения основных вопросов нашего строя. Когда мы боролись против интервентов, положение было другим, и настроение массового общественного мнения было совсем не то, что теперь. Узкое мещанство верило тогдашним басням, а теперь в самих массах мы потеряли почву" (**АВП РФ. Ф.08 (секретариат Л.М. Карахана). Оп.5. П.3. Д.24. Л.11-12**).

В начале 20-х годов у советских дипломатов были, хоть и ограниченные, возможности для воздействия и на американское общественное мнение, и на политическую элиту США. Большим подспорьем в информировании общественности Соединенных Штатов о реальном положении дел в России могла оказаться поездка в нее делегации представителей деловых кругов. Бизнесменов интересовали проблемы экономического восстановления российской экономики и перспективы взаимного экономического сотрудничества.

Некоторые советские руководители сознавали необходимость такой ознакомительной поездки американских специалистов, но с условием, чтобы они не выступали как целостный орган. Слишком это напоминало работу репарационной комиссии Антанты в побежденной Германии. Эксперт по каждой отрасли промышленности, считал Чичерин, будет делать лично от себя доклад американским промышленникам соответствующей сферы экономики. Условия поездки должны предваряться переговорами между американским и российским правительствами. Эксперты должны работать в строго определенных районах, в их распоряжение передавались далеко не все архивы, и, конечно, они должны заниматься сугубо экономическими вопросами, воздерживаясь от рассмотрения политических проблем России (**АВП РФ. Ф.08 (секретариат Л.М. Карахана). Оп.5. П.3. Д.24. Л.9**). Ленин в то время болел и находился в Горках. Реакция Сталина была неизвестна. Но приезд комиссии экспертов так и не состоялся. Ответственность за это американцы возложили на Советское правительство.

Вместе с тем, следует отметить, что советское внешнеполитическое ведомство всячески поощряло поездки в Советский Союз видных американских государственных и общественных деятелей. Б. Сквирский общал в Москву, что "о средней неосведомленности их (сенаторов – Авт.) можете судить по тому, что меня спрашивают – безопасно ли в Россию ехать с женами" (**АВП РФ. Ф.08. Оп.6. П.6. Д.28. Л.29**). Литвинов ре-

комендовал не создавать препятствий сенаторам и конгрессменам, которые желают посетить Россию. За исключением тех немногих, которые "по личным интересам или иным, являются неисправимыми антагонистами Советской власти и которые пожелали бы поехать в Россию с заведомой целью по возвращении в Америку Россию опорочивать" (**АВП РФ. Ф.08. Оп.6. П.6. Д.26. Л.1**).

С другой стороны, приходилось учитывать практические возможности принимающей стороны. Наиболее острым являлся квартирный вопрос. Эта проблема существовала в то время почти во всех столицах Европы. Даже если бы приехало сейчас "пару десятков американцев", писал Литвинов, невозможно было бы подобрать жилье. Поэтому он рекомендовал составлять группы в количестве не больше 5-8 человек в один прием (**АВП РФ. Ф.08. Оп.6. П.6. Д.26. Л.1**).

В определенных случаях, когда предполагался приезд авторитетных иностранцев, советская сторона брала на себя часть расходов по организации поездки. Так, например, когда в Советский Союз собирались влиятельные конгрессмены Г. Фиш, Г.А. Купер и Дж. Фрир, оказалось, что последний испытывает недостаток средств для этого. Сквирский просил Литвинова "если бы можно было сделать так, чтобы расходы его и остальных были невелики во время пребывания их в России, это было бы весьма желательно" (**АВП РФ. Ф.08. Оп.6. П.6. Д.28. Л. 41-42**). Учитывая статус приезжих, к подобным просьбам относились обычно с пониманием.

Эффект от таких поездок был, как правило, благоприятен для принимающей стороны. Типичной в этом отношении была реакция на увиденное сенатора-демократа из Юты У.Г. Кинга. Ранее, в 1919 г., он утверждал, что всякий, кто поддерживает большевизм, является врагом цивилизации. После возвращения из поездки по России в 1923 г. он заявил в сенате, что коммунисты не только прочно удерживают власть, но и восстанавливают государство с необычным успехом, за счет возрождения старых добрых методов капитализма [9, с. 256-276].

Большое внимание уделялась поездкам представителей интеллектуальных кругов, которые имели и средства и возможности для формирования общественного мнения. Работы многих американских ученых и публицистов переводились и издавались в СССР большими тиражами. По приезду в нашу страну многие авторы были приятно удивлены, увидев на полках книжных магазинов и киосках свои работы [6, с. 88]. Известному режиссеру-кинодокументалисту Б. Холмсу предложили 25-процентную скидку за поездку в СССР. Представители Интуриста заявили ему: "Мы счастливы принимать писателей и лекторов, которые посещают Советский Союз и сообщают об условиях жизни в нем" [5, с. 10].

Организацией поездок американцев занимались три советских представительства: "Интурист", АМТОРГ и миссия НКВД. "Интурист" работал с американскими туристическими фирмами, в основном с "Open Road". Поездки были довольно дорогостоящими. Стоимость тура продолжительностью от 3 до 6 недель составляла от 600 до 1000 долларов (**АВП РФ. Ф.508 (фонд Б.Е. Сквирского). Оп.6. П.11. Д.17. Л.124**). Естественно, такие расходы не мог позволить себе рядовой американец.

АМТОРГ занимался организацией поездок в основном бизнесменов. Агентство НКВД оформляло всех подряд, но преимущественно представителей интеллектуальной среды. Оно же осуществляло всю работу по "просеиванию" нежелательных туристов (**АВП РФ. Ф.05 (секретариат М.М. Литвинова). Оп.9. П.50. Д.95. Л. 170, 173**).

В трудное время, когда американская общественность в целом была настроена антисоветски, дипломатам приходилось нести бремя ответственности и за события внутри Советского Союза, которые вызыва-

ли резкую критику за рубежом. Одним из них был судебный процесс по делу священников-католиков Буткевича, Цепляка и др. На встрече с сенатором Уилером и методистскими епископами Блэком и Гартманом, состоявшейся 26 апреля 1923 г., Чичерину пришлось нелегко. Уилер в разговоре заметил, что ввиду "бешеной кампании в Америке" и ввиду того, что все официальные советские заявления и разъяснения игнорировались, ему крайне важно было бы иметь ту переписку, в которой обнаруживается получение Буткевичем денег от польского правительства (АВП РФ. Ф.08. Оп.6. П.6. Д.27. Л.1).

Ответ Чичерина был малоубедительным. Он заявил, что это трудно сделать, "ибо под влиянием заграничной агитации у нас господствует нежелание подвергать дискуссии за границей постановления высших государственных органов" (АВП РФ. Ф.08. Оп.6. П.6. Д.27. Л.1). Вместе с тем, следует отметить, что Уилер с симпатией относился к Советскому Союзу, имел широкую поддержку фермеров Монтаны и мог бы способствовать распространению правдивой информации о Советском Союзе. Явное нежелание сообщить правду по делу священников не могло не оставить чувства разочарования у американских представителей.

В аналитическом обзоре вопроса о признании СССР Соединенными Штатами в 1923 г. отмечалось, что впечатление от казни Буткевича оказалось не только очень сильным, но и продолжительным. "Поскольку поколебалась уверенность в силе и устойчивости Советского правительства (а именно так была воспринята казнь Буткевича), постольку временно пал практический интерес к русскому вопросу, а психологическая создавалась обстановка, совершенно невозможная для выдвигания признания России, как принципиального требования, а наоборот самая благоприятная для отвергания такого требования". Даже те либералы, которые постоянно ратовали за признание Советской России, одобрили отмену госдепартаментом разрешения на въезд в США жены Председателя ВЦИК Калинина (она собирала средства в фонд беспризорных) в знак протеста против его подписи под смертным приговором Буткевичу (АВП РФ. Ф.08. Оп.6. П.6. Д.26. Л.20).

Одним из важных средств искусственного отсева негативной информации о России была цензура. Американская общественность весьма критично относилась к любой цензуре, усматривая в ней нарушение свободы слова. Многочисленные обращения снять цензуру поступали в НКВД на всем протяжении 20-х гг. Обычно их направляли заместителю наркома иностранных дел М.М. Литвинову. Многие иностранцы считали, что он мог бы удовлетворить эту просьбу частично из-за долгого проживания в Великобритании, частично из-за своей жены, урожденной англичанки, которая по роду своей деятельности часто общалась с иностранцами.

Одно из первых обсуждений проблемы цензуры состоялось во время встречи Литвинова с американскими журналистами Ренником, Дюранти и МакКензи весной 1923 г. Журналисты заявили, что цензура не достигает цели, ибо не пропущенное цензурой проникает за границу другими путями. Препоны, чинимые цензурой, приводили к тому, что за границей о некоторых фактах узнавали через сопредельные страны, через иностранные миссии. А поскольку эти факты не опровергались иностранными корреспондентами из Москвы, их считали вполне установленными. Поэтому корреспонденты предлагали установить цензуру только для сообщений военного характера. В ответ Литвинов указал, что Россия, в отличие от других стран Европы, "все еще атакуема врагами со всех сторон, что ей приходится все еще вести борьбу за существование, если не обороной, то другими путями, и что, находясь еще в состоянии полувойны со всем внешним миром, она вынуждена сохранить теле-

графную цензуру, как это делают другие государства во время войны" (АВП РФ. Ф.08. Оп.6. П.6. Д.26. Л.3).

Вторая просьбы в том же году исходила от Роберта Б. МакКормика. Издатель "Чикаго Трибюн" направил через корреспондента газеты Дж. Сельдеса протест против цензуры Г. Чичерину. Протест был выдвинут в форме ультиматума. Если её не отменят, полковник МакКормик грозил отозвать своих журналистов и тем самым спровоцировать других корреспондентов на выезд. В результате этого, утверждал он, СССР потеряет связь с внешним миром. Чичерин был в гневе и заявил, что "газета разговаривает с ним как равное по мощи государство". Ультиматум отклонили, Сельдеса также не отзывали из России. Чуть позже его все-таки выслали за то, что ранее он посылал свои репортажи, минуя цензуру, через дипломатическую почту АРА.

Следует отметить, что в 20-е гг. советская цензура была "прямой" и открытой, когда журналист и цензор бок о бок обсуждали формулировки, перифраз и т.д. Это означало, что предполагавшееся сообщение можно было спасти от полного отклонения. Этот вид цензуры был предпочтительным для журналистов, поскольку он экономил время, да и, в конце концов, они могли уже знать наверняка, что отклонит цензор, а что оставит. Обычно репортер делал три копии – две отдавал цензору (в 1921 г. было 6 цензоров), который ставил штамп, затем одну из них относил на телеграф. Прежде действовавшая телеграфная связь с Соединенными Штатами была неэффективной из-за разницы во времени. Если в ходе передачи сообщения были отступления от текста, то связь прерывали. И все-таки, несмотря на неудобства, связанные с цензурой, многие американские журналисты оправдывали или, по крайней мере, с пониманием относились к советской цензуре 20-30-х гг. [4, с. 73]

К середине 1920-х гг. советский пропагандистский арсенал существенно вырос. Это было связано с расширением торгово-экономических, научных и культурных контактов между странами. Представители американской интеллектуальной элиты проявляли неподдельный интерес к социальной политике советского правительства. С этой поры для советской стороны стало реальным использовать в пропагандистских целях благосклонные оценки и заявления авторитетных журналистов, общественных и научных деятелей, представителей культуры по самым различным аспектам советской внутренней и внешней политике. Имелись сочувствующие функционеры в таких влиятельных организациях как Американско-русский институт культурных связей, Институт Тихоокеанских отношений, Ассоциация молодых христиан, в еврейских организациях "Джойнт", "Агроджойнт" и др. Но следует признать, что к середине 20-х годов все пропагандистские мероприятия советской стороны оказывали воздействие в основном на относительно малочисленный сектор американского общества – отдельных представителей политических и деловых кругов, в большей степени на интеллектуалов США.

Несмотря на расширяющуюся советскую пропаганду, к середине 20-х гг. она по-прежнему заметных результатов не дала. В письме члена Национального исполкома Республиканской партии США Д.П. Гудрича супруге М. Литвинова Айви Литвиновой американский политик признавался, что в Америке нет широкого движения в пользу признания Советского правительства. То есть, антисоветская пропаганда, которая велась в стране на протяжении восьми лет, выполнила свое дело. Потуги советской контрпропаганды оказались тщетными. Невежество американского народа в отношении действительного положения России было обескураживающим. Причем ситуация в продвинутых штатах Атлантического побережья была приблизительно такой же, что и в провинциальных штатах Среднего Запада. Рабочие организации, писал Гудрич,

настроены в пользу капиталистической системы, как и всякий другой класс Америки. Причины этого были очевидны. "Они ежегодно увеличивают свои сбережения на сумму, равную по величине всей внешней торговле России. Они имеют вклады во всех наших больших предприятиях, открывают банки, разрабатывают шахты и пр. Они в целом противятся коммунизму во всех его формах". Примечательно, что сам Гудрич, как и многие представители американской политической, деловой и интеллектуальной элиты, считал, что коммунистическая пропаганда в США не имеет перспектив. Он полагал, что нужно сосредоточиться на решении двух главных проблем, стоящих перед признанием Советского Союза: уплате долгов Временного правительства и выплате компенсаций за национализированную частную собственность граждан США. Однако большинство американского народа одобряло линию на непризнание именно из-за коммунистической пропаганды Коминтерна. [2, с. 472, 473].

Таким образом, можно констатировать, что советская дипломатия не использовала всех имеющихся средств и методов для разъяснения в Соединенных Штатах политики Советского государства. Это подтверждается негативным отношением подавляющей части американской общественности к вопросу об установлении дипломатических отношений между двумя странами на протяжении 20-х гг. В первую очередь это определялось недостаточным знанием американских условий советским руководством, недооценкой им влияния общественного мнения на формирование политики США в отношении к Советскому Союзу. И лишь трудности в связи с началом мирового экономического кризиса 1929-1933 гг. и параллельная информация об успехах первой пятилетки в СССР стали отправной вехой в перемене настроений американской общественности в пользу сотрудничества между странами.

Литература

1. Документы внешней политики СССР. Т. 3. М., 1959.
2. Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1918-1926. /Под ред. Г.Н. Севостьянова и Дж. Хэзлема. М.: МФД, 2002. 632 с.
3. Касьяненко В.И. Правда и ложь о Стране Советов. М.: Мысль, 1987. 335 с.
4. Bassow W. The Moscow Correspondents: Reporting on Russia from the Revolution to Glastnost. N.Y.: Morrow, 1988. 385 p.
5. Holmes B. The Traveler's Russia. N.Y.:G.P.Dutnam's Sons, 1934. 176 p.
6. Margulies S.R. The Pilgrimage to Russia. The Soviet Union and the Treatment of Foreigners, 1924-1937. Madison: Univ. of Wisconsin Press, 1968. XII, 290 p.
7. Stoessinger J.G. Nations in Darkness. N.Y.: Random House, 1971. 198 p.
8. US Congress, Senate, CR., 66-th Cong., 2-nd sess., Apr. 28, 1920. P. 6208.
9. US Congress, CR., 68-th Cong., 1-st sess., Dec.13, 1923. Pp. 256-276.